
С. А. Дружилов

ТРАГЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПЕРИОД ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РАЗРУХИ

Статья поступила
в редакцию в мае
2012 г.

В первое десятилетие после октябрьского переворота 1917 г. вузовская и научная интеллигенция стала объектом политического («красного») террора. Плачевное положение высшей школы усугублялось разрухой в стране. Показано, что переход к НЭПу предотвратил гибель российского высшего образования. В то же время отступление от принципов военного коммунизма в экономике сопровождалось беспощадным подавлением любых оппозиционных настроений. Рассматриваются обстоятельства репрессивной операции, получившей в отечественной истории название «философский пароход». Анализируется численность преподавателей вузов и студентов накануне начала индустриализации страны.

Аннотация

Ключевые слова: послереволюционный период, высшая школа, политический террор, преподаватели университетов.

«Нищета ведет к революции,
революция — к нищете».
Виктор Гюго

Послереволюционная Россия. Разруха. Полный упадок промышленности. Не работает транспорт. Нет топлива, электроэнергии. Катастрофическая нехватка продовольствия: крупные города отрезаны от сельскохозяйственных районов страны. На грани жизни и смерти оказалась и интеллигенция, включая ученых и преподавателей вузов.

Голод
и холод

Общая численность населения страны, по данным переписи 1920 г., составила 136,8 млн человек. По сравнению с началом 1917 г. население сократилось на 6,7 млн человек. Примерно 2 млн из этого числа приходится на эмиграцию из страны, остальные 4,7 млн — демографические потери от Гражданской войны, вызванных ею голода и эпидемий, а также сокращения рождаемости [Борисов, 1999. С. 38].

Снабжение населения в городах осуществлялось по карточкам на основе классового принципа. Высшую норму получали рабочие.

Естественно, что преподаватели вузов, «гнилая интеллигенция», к категории рабочих не могли быть отнесены, и продовольственная норма была для них значительно ниже. Введенный затем спецпак (красноармейский, совнаркомовский — для «ответственных работников», академический¹ — для весьма ограниченного круга ученых, пригретых властями) обычным преподавателям вузов не полагался.

Для науки, искусства, литературы, высшего образования страны катастрофа 1917–1918 гг. оказалась совершенно губительной. Английский писатель Г. Уэллс, посетивший Россию в это страшное и жестокое время, отмечал, что новый, незрелый еще общественный строй, ведущий борьбу с грабежами, убийствами, с дикой разрухой, не нуждается в ученых; он забыл о них [Уэллс, 1964]. Поэтому научным работникам, которые жизненно необходимы каждой цивилизованной стране, приходилось терпеть невероятную нужду и лишения.

В 1918 г. в 308 научных учреждениях Советской России, по разным данным, было от 7326 [Волков, 1999. Табл. 4] до 12,5 тыс. [Изменение социальной структуры советского общества... С. 292–293] научных работников, значительная часть которых к 1920 г. сосредоточились в Петрограде и Москве.

Только в самом конце 1919 г., когда многие преподаватели вузов уже умерли от голода и холода, советское правительство ввело для профессоров и доцентов продовольственные пайки, которые были достаточны, чтобы они и члены их семей не голодали.

Действия властей в рассматриваемый период были сосредоточены на обеспечении выживания государства и самой власти. Вообще в отечественной истории в разные ее периоды — не только в годы Гражданской войны — нужды высшего образования неизменно находились на одном из последних мест в списке приоритетов властей. К тому же люди, управлявшие тогда страной, руководствовались идеей о необходимости коренной перестройки всей системы высшего образования, унаследованной от царской России («разрушим до основания, а затем...»). Выдающийся русский историк академик Ю. В. Готье в своем дневнике приводит слова А. В. Луначарского, который весной 1918 г. называл российские университеты кучей мусора [Готье, 1997. С. 130]. Современные исследователи признают, что А. В. Луначарский, как и все советские деятели того времени, «был убежден в том, что старая школа себя изжила» [Андреев, 2008. С. 198].

Л. Троцкий, отдавая должное образованности Луначарского и признавая его заслуги «в повороте дипломированной и патентованной интеллигенции в сторону советской власти», писал в 1934 г., что «как непосредственный организатор учебного дела он оказался безнадежно слаб. После первых злополучных попыток, в которых дилетантская фантазия переплеталась

¹ Академический пак был в 1,5–2 раза больше пайка рабочего с промышленного предприятия.

с административной беспомощностью, Луначарский и сам перестал претендовать на практическое руководство. Центральный комитет снабжал его помощниками, которые под прикрытием авторитета народного комиссара твердо держали вожжи в руках» [Троцкий, 1991. С. 369–370].

Что-то удержало большевиков от полной ликвидации университетов. Тем не менее многие нововведения (новые правила приема в вузы, облегчавшие поступление в них для малообразованных людей², ликвидация юридических и историко-филологических факультетов и др.) существенно снизили качество высшего образования.

Наиболее трагические последствия имело резкое сокращение финансирования вузов. Оно привело к катастрофическому ухудшению материального положения преподавателей, поставив даже профессоров на грань — и за грань — голода и холода. Полностью прекратилось обеспечение вузов новыми книгами и оборудованием, отопление учебных и научных помещений [Ханин, 2008].

Но вопреки всем трудностям, почти исключительно на энтузиазме «голодных и холодных» преподавателей высшая школа продолжала работать. Молодые люди шли учиться! Согласно данным, приводимым С. В. Волковым, если в начале 1918 г. в стране было всего 60 тыс. студентов, то к осени 1919 г. их число составило 117 тыс. [Волков, 1999] (по другим данным, на которые также ссылается С. В. Волков, — 231,3 тыс.). В 1919 г. насчитывалось от 1927 до 4100 университетских преподавателей³, которые занимались образовательной деятельностью.

Выпуск специалистов вузами был небольшой: многие молодые люди, попавшие в вуз «по разнарядке», не имели элементарных знаний, так что обучаться в вузе были не способны и студентами лишь числились. И тем не менее известно, что за 1918–1921 гг. вузы выпустили 1,6 тыс. инженеров [Сафразьян, 1977].

Уже в начале 1920-х годов власти Советской России приступили к формированию новой, пролетарской интеллигенции. 31 января 1920 г. по инициативе М. Горького в Петрограде был открыт первый Дом ученых (во Владимирском дворце, по адресу Дворцовая набережная, 26). Его история началась с размещения здесь Петроградского комитета по улучшению быта ученых (ПетроКУБУ)⁴. Это был специальный центр распределения продовольствия, снабжавший, по словам Г. Уэллса, 4 тыс. научных работников и членов их семей, в общей сложности около 10 тыс. человек [Уэллс, 1964]. Тут не только выдавали продукты по карточкам, но была

² 2 августа 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет, предоставляющий всем трудящимся право поступать в любое высшее учебное заведение без какого-либо образовательного ценза.

³ <http://swolkov.narod.ru/ins/031.htm>

⁴ В 1921 г. по инициативе В. И. Ленина преобразован в правительственную организацию — Центральную комиссию по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров. Существовала до 1937 г.

также парикмахерская, ванны, сапожная и портняжная мастерские и другие виды обслуживания. Имелся даже небольшой запас обуви и одежды. Здесь же работал медицинский стационар для больных и ослабевших.

Деятельность созданной в 1921 г. Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) не ограничивалась организацией материальной помощи, в ее компетенцию входили также вопросы «культурного объединения» деятелей науки и искусства. ЦеКУБУ изначально состояла из двух основных органов: экспертной комиссии, которая занималась распределением материальной помощи, и управления делами, взявшего на себя решение других организационных вопросов, в частности обеспечения санаторного лечения, культурных и деловых связей с другими регионами. Для улучшения материального положения и обеспечения провинциальных ученых в 1922 г. были образованы местные комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ).

ЦеКУБУ создавалась по принципу элитарной, а не профсоюзной организации. По данным отечественных историков (Е. В. Водопьяновой, Л. В. Ивановой, Е. А. Осокиной), на ее обеспечении находились 8000 человек с семьями — наиболее ценные специалисты всех отраслей знания и искусства. Списки ученых, как пишет Е. А. Осокина, составлялись на местах и рассматривались экспертной комиссией ЦеКУБУ, после чего утверждались правительством. Ученые, профессора, преподаватели вузов, попавшие в список ЦеКУБУ, уже в то время получали определенные привилегии. Им выдавался бесплатный академический паек дополнительно к основному пайку, который получала интеллигенция в тот период [Осокина, 1999].

Кроме того, ЦеКУБУ выдавала «списочным» ученым небольшое денежное обеспечение и премии, как считалось, «за лучшие научные труды», а также — что более существенно, чем обесцененные деньги, — дрова, белье, обувь, одежду, бумагу, карандаши, чернила, электрические лампочки. В условиях разрухи и голода это были бесценные дары.

С дальнейшим развитием ЦеКУБУ система благ и льгот расширялась. Но пока критериями оценки заслуг для этой правительственной организации (сейчас ее, вероятно, именовали бы фондом) были реальные научные труды. «Внутри интеллектуальной элиты, попавшей в списки ЦеКУБУ, формировалась внутренняя иерархия. Поскольку старые звания и регалии не действовали, а новые еще не были созданы, единственным мерилем значимости ученого служили его научные труды. Иерархия снабжения определялась научной значимостью ученого. Этот принцип действовал порой независимо от службы на государство. Ученые и деятели искусства могли получать блага, просто работая дома и даже находясь за границей» [Там же. С. 103].

В то же время посредством ЦеКУБУ советское правительство проводило политику искусственного расслоения

научно-педагогического сообщества. Ученых, отнесенных к категории «правильных», власти пригревали и подкармливали. Ученым и профессорам, отнесенным к иной категории, не только выделялось меньшее ресурсное обеспечение, но и через этот правительственный орган давалось «добро» на проведение в отношении их санкций и репрессий.

После Гражданской войны, преодоления разрухи вся дальнейшая история советского высшего образования обусловлена двумя идеологическими факторами, на которые указывает Г. И. Ханин. С одной стороны — большим пиететом перед наукой и образованием, признанием их огромного значения для развития общества и экономики, а в связи с этим граничащей с паранойей настороженностью властей по отношению к этому социальному институту. С другой стороны — стремлением властных структур обеспечить политическую лояльность студенческого и преподавательского состава вузов [Ханин, 2008].

Трагизм положения интеллектуального слоя в годы разрухи усугублялся революционным террором («красным террором»).

Специфика политики большевиков в 1917–1923 гг. состояла в установке, согласно которой люди подлежали уничтожению по самому факту принадлежности к определенным социальным слоям, кроме тех их представителей, кто «докажет делом» преданность советской власти.

Официальным началом «красного террора» принято считать Декрет СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». Поводом к его началу стали покушение на Ленина Ф. Каплан и убийство Л. Канегиссером ненавистного всем председателя Петроградской ЧК М. Урицкого, произошедшие в один день — 30 августа 1918 г.

С. В. Волков под «красным террором» понимает широкомасштабную кампанию репрессий большевиков, строившуюся по социальному признаку и направленную против тех сословий и социальных групп, которых они считали препятствием к достижению целей своей партии [Красный террор глазами очевидцев...]. Люди, входившие в эти сословия или социальные группы, заведомо (независимо от их вины) провозглашались классовыми врагами и обвинялись в контрреволюционной деятельности.

Можно утверждать, что объектом «красного террора», развязанного большевиками после прихода к власти, изначально стал образованный (интеллектуальный) слой российского общества. Российский образованный слой в большинстве своем встретил большевистскую революцию резко враждебно. 21 ноября 1917 г. Общее собрание Российской академии наук⁵ обратилось к ученым страны с посланием, в котором выражалось негативное отношение к захвату власти большевиками. Современник и очевидец послереволюционных событий В. П. Осипов (1871–1947), в дальнейшем

⁵ До весны 1917 г. РАН носила название Императорская Санкт-Петербургская академия наук.

«Красный террор»

членкор АН СССР, отмечал, что «значительная часть тогдашней интеллигенции занималась саботажем» [Осипов, 1947].

Более того, это была единственная социальная группа, которая сразу же оказала большевизму активное сопротивление, в том числе вооруженное. Это происходило уже в то время (осень 1917 г.— зима 1918 г.), когда крестьянство и даже казачество оставались пассивны. Среди тех, кто оказывал сопротивление установлению большевистской диктатуры в стране, представители образованного сословия, по данным С. В. Волкова, составляли до 80–90%.

Большевики понимали, что их реальными противниками в Гражданской войне были не мифические «капиталисты и помещики», а интеллигенция — в погонах и без погон. По свидетельству А. В. Луначарского, «русская интеллигенция оказалась на стороне врагов революции и рабочего класса <...> Революция тоже определила свое отношение к интеллигенции. Поскольку дело дошло до гражданской войны, нужно воевать. Это совершенно ясно, ни один настоящий революционер не скажет интеллигенту так: я позволю тебе стрелять в меня, я же в тебя стрелять не буду»⁶.

Поэтому режим «красного террора», официально введенный в сентябре 1918 г., во многом был направлен против интеллектуалов. Сама принадлежность к образованному слою, профессия, связанная с умственным трудом, были достаточными основаниями для включения в число заложников, ареста и последующего расстрела. Об этом свидетельствуют многие приказы Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), высказывания руководителей советского государства того времени.

Один из высших руководителей ВЧК М. Лацис, давая инструкции местным органам, писал в журнале «Красный террор», печатном органе ЧК Восточного фронта, единственный номер которого вышел в Казани 1 ноября 1918 г.: «Не ищите в деле обвинительных улик, восстал ли он против Совета с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного террора».

В приказе ВЧК «Об учете специалистов и лиц, могущих являться заложниками» Ф. Э. Дзержинский подчеркивал, что заложниками должны быть лица, «кем они (белогвардейцы) дорожат», и уточнял: «выдающиеся работники, ученые, родственники находящихся при власти у них лиц. Из этой среды и следует брать заложников»⁷ (приводится с сохранением лексики цитируемого приказа.— С. Д.). В инструкциях местным органам советской власти по взятию заложников для расстрела указывался круг профессий будущих жертв. Большевистские вожди смысл и цели террора видели в подавлении именно интеллигенции. Л. Троцкий писал в «Известиях

⁶ Цит. по: <http://swolkov.org/ins/02.htm>

⁷ Там же.

ВЦИК» 10 января 1919 г.: «Террор как демонстрация силы и воли рабочего класса получит свое историческое оправдание именно в том факте, что пролетариату удалось сломить политическую волю интеллигенции».

Историк-эмигрант С. П. Мельгунов в книге «Красный террор в России. 1918–1922», изданной в 1924 г. в Берлине, называет, ссылаясь на публикацию проф. Sarolea в эдинбургской газете *The Scotsman* от 7 ноября 1923 г., в числе погибших «6000 профессоров и учителей» [Мельгунов, 1990. С. 65].

С. П. Мельгунов пишет, что автор (проф. Sarolea) не указывает источник этих данных. И ныне достоверность приведенных цифр вызывает сомнения и желание «отделить зерна от плевел». Основания для сомнений мы находим и у современного отечественного исследователя С. В. Волкова, которого трудно отнести к числу «ангажированных большевиками историков». Он пишет, что в 1916 г. в России учебный персонал вузов в сумме составлял всего 6655 человек [Волков, 1999. Табл. 1].

Истинность приведенных С. П. Мельгуновым цифр потерь означала бы, что в живых остались только 655 «старых» преподавателей вузов. Но это противоречит приведенным нами выше данным С. В. Волкова, согласно которым в 1919 г. в России насчитывалось от 1927 до 4000 университетских преподавателей. Можно предполагать, что «6000 погибших» составляют профессора университетов и учителя иных учебных заведений. Однако степень трагедийности событий это не снижает.

С. П. Мельгунов пишет, что среди примерно 1,7–1,8 млн всех расстрелянных большевиками в эти годы (именно такие цифры получили широкое хождение в эмигрантской печати) «на лиц, принадлежащих к образованным слоям, приходится лишь 22% (порядка 440 тыс.)» [Мельгунов, 1990. С. 87–88]. Но и это число жертв ужасает.

А с лета 1922 г. готовится и проводится операция, получившая в отечественной истории название «философский пароход».

Обстоятельства, связанные с высылкой за границу и частично в северные губернии России «активных контрреволюционных элементов» из среды неугодной интеллигенции, до 1990-х годов были белым пятном в советской истории. Поскольку среди инакомыслящих особо выделялись философы, возникла метафора «философский пароход» [Главацкий, 2002]. Под этим названием акция и вошла в историю как символ репрессий 1922 г.

Тема насильственного изгнания интеллигенции почти семь десятилетий находилась в СССР под полным запретом. Но ее значимость для российского образования и гуманитарной науки столь велика, что даже спустя 90 лет она привлекает внимание всех, кого волнует судьба интеллигенции в России.

Подлинной причиной высылки интеллигенции была неуверенность руководителей советского государства в своей способности удержать власть после окончания Гражданской войны. Сменив

политику военного коммунизма на новый экономический курс и разрешив в сфере экономики рыночные отношения и частную собственность, большевистское руководство понимало, что оживление мелкобуржуазных отношений неминуемо вызовет всплеск политических требований, в частности свободы слова, а это представляло прямую угрозу власти, вплоть до опасности смены социального строя. Поэтому партийное руководство, вынужденное временно отступить в экономике, обезопасило себя путем беспощадного подавления любых оппозиционных выступлений.

Для власти и карательного аппарата актуальной становится задача «наведения порядка», т.е. обеспечения единomyслия — в русле политики правящей партии — в сфере культурной и научной жизни страны. И именно в этот момент «репрессивный аппарат обрушивается на тех, кто на заре революционных преобразований имел неосторожность осуждать социальные нововведения или дискутировать с большевиками относительно путей и форм создания новой социальной общности» [Абульханова-Славская и др., 1997. С. 50].

Замысел акции начал вызревать у лидеров большевиков еще зимой 1921–1922 г., когда они столкнулись с массовыми забастовками профессорско-преподавательского состава вузов и оживлением общественного движения в интеллигентской среде.

Теоретическое обоснование идеи высылки российской интеллигенции, а также и «заслуга» активного продвижения этой идеи, как на основании исторических документов убедительно показал М. Е. Главацкий [Главацкий, 2002], принадлежит В. И. Ленину. В статье «О значении воинствующего материализма», законченной 12 марта 1922 г., Ленин открыто сформулировал идею высылки представителей интеллектуальной элиты страны. Уже 19 мая он направил секретное письмо Ф. Э. Дзержинскому с инструкцией по подготовке к высылке «контрреволюционных» писателей и профессоров.

Основную практическую работу по подготовке к высылке возложили на ГПУ, которое уже имело некоторый опыт [Высылка вместо расстрела...]. Так, еще в мае 1921 г. в целях выявления инакомыслящих в важнейших государственных учреждениях страны, в том числе в наркоматах и университетах, были созданы «бюро содействия» работе ВЧК. Их члены из числа партийных и советских руководителей (коммунисты с не менее чем 3-летним партийным стажем) собирали разнообразную информацию об антисоветских элементах в своих учреждениях. Кроме того, в их обязанности входило наблюдение за проведением съездов, собраний и конференций, в том числе научных.

При негласной помощи «бюро содействия» с целью формирования и уточнения списков высылаемых чекисты опрашивали руководителей наркоматов, секретарей партийных ячеек вузов, научных учреждений, партийных литераторов.

В июне-июле 1922 г. в стране фактически было покончено с активной политической оппозицией (в это время состоялся суд над социалистами-революционерами, в результате которого из страны были высланы лидеры эсеров и меньшевиков). И несмотря на то что большой политической угрозы интеллигенция не представляла, решением вопроса о судьбе русских ученых занимались первые лица государства.

2 июня 1922 г. официальный печатный орган правящей партии — газета «Правда» опубликовала статью Л. Троцкого под названием «Диктатура, где твой хлыст?», в которой он говорит о необходимости «разобраться» с теми, кто имеет свою точку зрения на происходящее в стране Советов.

16 июля В. И. Ленин в письме И. В. Сталину из подмосковных Горок, где он лечился после инсульта, выразил обеспокоенность проволочкой в деле высылки инакомыслящих. «Комиссия <...> должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно, — указывал Владимир Ильич. — Очистим Россию надолго» [Ленин, 2000. С. 544–545]. Предупреждал, что «делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовывать... без объявления мотивов — выезжайте, господа!» [Там же].

С целью обоснования предстоящей высылки на XII Всероссийской конференции РКП (б), проходившей с 4 по 7 августа 1922 г., был поднят вопрос об активизации деятельности антисоветских партий и течений. В резолюции по докладу Г. Е. Зиновьева указывалось, что нельзя отказаться и от применения репрессий по отношению к мнимо беспартийной буржуазно-демократической интеллигенции, поскольку для нее подлинные интересы науки, техники, педагогики и т.д. являются только пустым словом, политическим прикрытием. Резолюция была доведена до населения центральными и местными газетами. Теперь можно было продолжить акцию.

«Операция» против инакомыслящих представляла собой серию последовательных акций. Можно выделить следующие ее основные этапы: 1) аресты и административные ссылки врачей, участников 2-го Всероссийского съезда врачебных секций — 27–28 июня; 2) репрессии в отношении вузовской профессуры — 16–18 августа; 3) «профилактические» мероприятия в отношении «буржуазного» студенчества — в ночь с 31 августа на 1 сентября 1922 г.

Основную репрессивную операцию провели в ночные часы 16–18 августа. Среди заключенных в тюрьмы ГПУ или оставленных под домашним арестом оказались известнейшие философы, социологи, профессора вузов, писатели, математики, инженеры, врачи. Все они были допрошены или дали ответы на заранее подготовленные вопросы об отношении к советской власти и проводимой большевиками политике. Практически никто из арестованных против власти не выступал, однако они и не думали скрывать свое отношение к ней. Большинство подсудимых считали, что отрыв

от родной почвы для русской интеллигенции является весьма болезненным и вредным, а основная ее задача — содействие распространению в стране научных знаний и просвещения, в котором нуждаются все слои общества.

С арестованных были взяты две подписки: обязательство не возвращаться в Советскую Россию и выехать за границу за свой (при наличии собственных средств) или за казенный счет. Исключение было сделано для врачей: согласно принятому ранее решению Политбюро ЦК РКП (б), они подлежали высылке не за границу, а в голодающие внутренние губернии страны для спасения гибнущего населения и борьбы с эпидемиями.

31 августа в печати появилось сообщение о высылке из страны наиболее активных «контрреволюционных элементов» из среды профессоров, философов, врачей, литераторов.

Всего были высланы 225 человек. Среди них известные ученые идеалистического направления, занимавшиеся психологической проблематикой: С. Л. Франк, основоположник так называемой философской психологии, религиозные философы Л. П. Карсавин, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, один из организаторов и редактор журнала «Вопросы философии и психологии», руководитель Московского психологического общества Л. М. Лопатин, социолог П. Сорокин; один из ведущих специалистов в области изучения иррационального Б. П. Вышеславцев и др.

Это была акция устрашения для оставшейся в стране интеллигенции. «Красный террор», как и любой другой, был направлен не только против выбранных жертв, его главной целью было запугивание остальных.

Оправдываясь перед международной общественностью, Л. Троцкий в интервью американской журналистке Анне-Луизе Стронг (подруге Джона Рида), опубликованном 30 августа 1922 г. в газете «Известия», пытался представить предпринятые репрессии своеобразным «гуманизмом по-большевистски»: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они — потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений <...> все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением» (цит. по: [Очистим Россию надолго...]).

С. В. Волков констатирует, что социальный слой носителей российской культуры и государственности был уничтожен вместе с культурой и государственностью исторической России в результате большевистского переворота. В течение полутора десятилетий после установления коммунистического режима

было в основном покончено с остатками этого культурного слоя. Одновременно шел процесс создания «новой интеллигенции», обеспечивший то положение и состояние интеллектуального слоя в стране, которое мы видим и в настоящее время [Волков, 1999].

Обеспечение лояльности интеллектуального слоя, недопущение возможности оппозиции с его стороны начиная с 1920-х годов рассматривается политическим руководством страны в качестве одной из важнейших задач. Решение этой задачи достигалось двумя путями.

С одной стороны, власти стремились исключить возможность корпоративной общности и солидарности внутри этого слоя. С этой целью наиболее свободололюбивую, осознающую свою значимость в обществе часть преподавателей вузов подвергали репрессиям, большинство — подавляли и запугивали, а наиболее лояльную властям профессуру и членов научно-педагогических коллективов вузов прикармливали и поощряли. С другой стороны, предпринимались усилия к тому, чтобы всегда иметь возможность заменить саботирующих или репрессируемых специалистов, по возможности без ущерба для дела (а в случае конфликта мотивов предпочтение отдавалось лояльности преподавателя, даже если это и не шло на пользу делу).

В конце октября 1922 г. завершилась победой Приморская операция Красной армии под командованием командарма И. Е. Уборевича. Официально на этом Гражданская война закончилась. С ее окончанием исчезла необходимость в дальнейшем проведении политики военного коммунизма. Да и сама экономическая ситуация демонстрировала ее несостоятельность.

Новая экономическая политика, проводившаяся в Советской России и СССР в 20-е годы, была принята 15 марта 1921 г. X съездом РКП (б). Период НЭПа — время в советской истории, когда бок о бок в стране существовали капитализм и социализм.

Главное содержание НЭПа состояло не только в замене продразверстки в деревне на продналог, но и в частичном возврате рыночных отношений и разных форм собственности, привлечении иностранного капитала в форме концессий, проведении денежной реформы с целью повышения покупательной способности рубля и снижения индекса цен. Переход к НЭПу предотвратил гибель российского высшего образования, которая казалась неизбежной к концу 1920 г. вследствие крайне тяжелого экономического положения в стране.

Особенно трудными в экономическом отношении были первые два года второго десятилетия XX в. Разрыв экономических связей между городом и деревней, хозяйственная разруха, двухлетняя засуха (1920 г. и особенно 1921 г.) обострили продовольственный вопрос.

Введение НЭПа привело к постепенному улучшению ситуации. Пережив лихолетье Гражданской войны и военного коммунизма,

Период
НЭПа

система высшего образования в стране почувствовала некоторое облегчение. «Отошли в прошлое хлебные пайковые осьмушки, заменявшиеся, бывало, ста граммами натурального овса, и столовские обеды из травяного супа с ржавой селедкой <...> Не отбирают комнат вместе с библиотекой, лабораторией, кабинетом. Реже врываются с обыском. Реже отказывают в пайке (хотя по-прежнему надо доказывать, что твоя научная специальность нужна Республике) <...> Профессора не работают в порту, где погрузка-разгрузка давала им, кому позволяло здоровье, средства к пропитанию» [Перченков, 1991. С. 161].

По-прежнему существует ЦеКУБУ, но постепенно она становится все более элитарной организацией. С 1923 г. после отмены академического пайка на обеспечении ЦеКУБУ осталась только группа ученых союзного и мирового значения. Им выплачивалось денежное академическое обеспечение.

А. Л. Андреев пишет, что «как только война закончилась и положение рабоче-крестьянской республики стабилизировалось (примерно с 1925 г.), материальная поддержка образования сразу же существенно улучшилась. Финансирование по этой статье выросло до уровня, превышающего 10% расходов консолидированного бюджета» [Андреев, 2008. С. 189]. Следует, конечно, учитывать, что бюджет середины 1920-х годов был существенно меньше довоенного, и тем более меньше нынешнего бюджета Российской Федерации.

Финансирование вузов в стране стало быстро расти: увеличилась реальная зарплата преподавателей; возобновилась закупка научного оборудования, отечественной и иностранной научной литературы, заграничные научные командировки. Даже возросший, уровень оплаты труда профессоров и преподавателей вузов сильно отставал от дореволюционного, когда оклад профессора в 20–30 раз превышал среднюю заработную плату рабочего и был ненамного меньше оклада министра [Ханин, 2008], не говоря уже о жилищных условиях. Тем не менее оплата труда профессоров и преподавателей вузов была теперь значительно выше средней зарплаты рабочих и служащих в Советской России, и их жилищные условия были значительно лучше, чем у рабочих.

К этому времени преподавательский состав вузов понес невосполнимые потери: немало видных ученых уже в первые годы советской власти эмигрировали, были депортированы или высланы в северные губернии, а многие умерли от голода и холода. Трудности «выбивают» самых талантливых; а посредственности умеют выживать в лихолетье и имеют свойство «множиться». В результате весьма существенно ухудшился качественный состав преподавателей вузов.

Сведения о численности преподавателей вузов отрывочны и противоречивы, зачастую в приводимых цифрах требуется

каким-то образом разделять преподавателей вузов и научных работников тех или иных учреждений.

По данным, приводимым С. В. Волковым, в 1921/1922 учебном году в вузах страны было 23,5 тыс. профессоров, преподавателей и научных сотрудников (в сумме), которые по Положению о вузах, принятому Совнаркомом в сентябре 1921 г., входили в число научно-преподавательских кадров вуза.

Выше мы уже приводили данные того же С. В. Волкова, согласно которым всего двумя годами ранее, в 1919 г., в стране насчитывалось (по разным источникам) от 1927 до 4100 университетских преподавателей и 12,5 тыс. научных работников⁸. А накануне революции, в 1916 г., в России было около 100 вузов, в которых насчитывалось 6655 преподавателей и 135842 студента [Волков, 1999. Табл. 1]. Гражданская война, «красный террор», голод, эмиграция — все это могло только уменьшить численность квалифицированных преподавателей вузов.

При любой раскладке невозможно увидеть больше 4 тыс. опытных и высококвалифицированных преподавателей, что составляет менее 20% от общего числа научно-преподавательских кадров (включая научных работников). Однако таким количеством преподавателей уже невозможно было обеспечить нормальные учебные занятия по очной форме. При численности студентов вузов в 1921 г. 224 тыс., в 1922 г. — 213 тыс. [Сафразьян, 1977. С. 68] на каждого преподавателя приходилось бы от 50 до 100 студентов.

Для того чтобы определить ориентировочную численность преподавателей вузов, вычленим из приводимой суммы число научных работников учреждений. Относительно следующих двух лет имеются такие статистические данные: в 1924 г. преподавателей вузов было 12715 человек; численность секции научных работников в 1924 г. определяется в 12030 человек, а в 1926 г. — в 13423 человек⁹. Таким образом, в приведенном суммарном показателе 23,5 тыс. человек примерно половина (12,0–12,5 тыс.) приходится на научных работников учреждений. Значит, преподавательский корпус вузов составлял 10–11 тыс. человек. Это существенно больше численности преподавателей в 1916 и в 1919 г.

Статистические данные не дают ответа на вопрос, откуда возникли и что представляли собой в профессиональном плане дополнительные 7–9 тыс. преподавателей вузов. Хочется думать, что в качестве пополнения на преподавательскую работу пришли наиболее талантливые ученики старых профессоров. Более реален другой вариант: пришли лояльные и не всегда

⁸ Поскольку Императорская академия наук была очень немногочисленной, научные работники были в основном сосредоточены в университетах.

⁹ Приводится по [Волков, 1999]. Автор ссылается на [Итоги десятилетия советской власти...].

способные «выдвиженцы». Как результат — отсутствие необходимой квалификации и научно-педагогического опыта работы в вузах.

Высшая школа не только оживала после лихолетья, она продолжала жить своей жизнью, характер и направление которой определились еще до революции, тогда же сложились и ее основные традиции.

К середине 1920-х годов прекратился рост числа вузов в стране. Численность студентов вузов, достигшая послереволюционного максимума в 1921 г. (224 тыс.) [Сафразьян, 1977. С. 68], за последующие два года сократилась более чем на 25% и в последующие годы (до 1928 г.) стабилизировалась на уровне 168 тыс. человек. В то же время в этот период число обучающихся в средних специальных учебных заведениях — техникумах ежегодно увеличивается: за 6 лет — более чем в 2 раза [Волков, 1999. Табл. 9]. Очевидно, возникшие рыночные отношения в условиях слабой индустрии формировали заказ не столько на инженеров, сколько на технических исполнителей.

Однако в уменьшении численности студентов есть и политическая подоплека. В 1921 г., когда число желающих поступить в вузы стало значительно превышать число мест в них, некоторыми деятелями народного просвещения был выдвинут лозунг «Наука — только для коммунистов». На ректорском совещании в Главпрофобре в мае 1921 г. предложения некоторых ректоров подойти к приему студентов только с учебной точки зрения были категорически отвергнуты. Тогда же был установлен «классовый принцип» приема в вузы с целью резко ограничить долю детей интеллигенции среди студентов.

Наиболее последовательно в масштабе всей страны «классовые приемы» проводились с 1922 г. [Сафразьян, 1977. С. 71, 74]. На студенчество была распространена практика «чисток». Так называемая академическая чистка 1924 г. носила ярко выраженный классовый характер и, как писали советские авторы, «острие ее было направлено против менее ценной в классовом отношении категории учащихся» [Соскин, 1973. С. 92]. В конце 1923/24 учебного года в ходе проверки вузов были исключены около 18 тыс. студентов из «социально-политически чуждых элементов» и неуспевающих, при этом на рабочих и их детей приходился минимальный процент отчисленных [Сафразьян, 1977. С. 77–78]. Все это стало еще одной причиной уменьшения численности студенчества.

Вплоть до печально знаменитого «шахтинского дела» (1928 г.) больших притеснений в отношении сохранившейся старой профессуры не было. Более того, она, как отмечает А. Л. Андреев [2008], пользовалась некоторыми привилегиями. Одной из них был, например, льготный порядок осуществления применявшейся в те годы болезненной процедуры «жилуплотнения».

Е. А. Осокина отмечает, что ученые, профессора, специалисты, «состоявшие в списках ЦеКУБУ, были уравнены в жилищных правах с рабочими. Это означало право на дополнительную комнату, а также то, что домоуправление не могло выселить семьи ученых или подселить к ним жильцов, "уплотнить", без согласия организаций, в которых ученые работали. ЦеКУБУ выдавала "охранные грамоты" на жилье, защищала права ученых в суде, ходатайствовала об улучшении их жилищных условий перед правительством» [Осокина, 1999. С. 103]. Ученым, специалистам и профессорам вузов, которые были лояльны существующей власти, предоставлялась возможность самим выбирать себе новых соседей, что чаще всего делало «уплотнение» достаточно формальным: подсеялась обычно прислуга, по-прежнему составлявшая в те годы неременный атрибут быта профессорской семьи.

Период некоторой стабильности в системе высшего образования продолжался до 1926 г. «В высших учебных заведениях восстановился учебный процесс. В аудиториях сидят слушатели. Приутихли мобилизации в армию и на "трудповинность". Вернулась из провинции часть профессоров. Открытия, закрытия, разделения, слияния и прочие скороспелые преобразования вузов продолжаются, но частота и лихость их, по сравнению с 1917–23 годами, явно поумерились» [Перченко, 1991. С. 164].

В этот период была заложена база для дальнейшего развития высшего образования в нашей стране. К 1926/1927 учебному году в стране имелось 148 вузов, контингент студентов в которых составлял 168 тыс. человек [Волков, 1999. Табл. 9], а число преподавателей достигало 18 тыс. [Лапко, 1972. С. 6], т.е. на одного преподавателя вуза приходилось 9,3 студента. К этому времени только 18,6% преподавателей вузов имели рабоче-крестьянское происхождение, большинство были из старой интеллигенции [Сафразьян, 1977. С. 43].

В то же время действовавшие с 1918 г. правила поступления в любые вузы без экзаменов исключительно «по классовому принципу» привели к тому, что в вузах учились чрезвычайно слабые студенты. Недостаточное качество выпускников вузов почувствовала возрождающаяся промышленность. Поэтому ВСНХ¹⁰, возглавляемый в тот период Ф. Э. Дзержинским, вынужден был поставить вопрос о низком уровне подготовки специалистов в советских вузах. Это обращение не осталось без последствий, так что 1925 г. стал значительной вехой в образовательной политике.

Со второй половины 1920-х годов началось постепенное сворачивание НЭПа. Создавалась жесткая централизованная система управления экономикой.

¹⁰ ВСНХ (Высший совет народного хозяйства) — высший советский хозяйственный орган со статусом наркомата в 1917–1932 г. Учрежден при СНК декретом ВЦИК (Всероссийского центрального исполнительного комитета) и СНК (Совета народных комиссаров) в декабре 1917 г. для организации и управления всем народным хозяйством и финансами.

В октябре 1928 г. страна приступила к осуществлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Руководством страны был принят курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию. Намечающаяся форсированная реконструкция экономики потребует много новых кадров. А значит, грядут изменения и в отечественном высшем профессиональном образовании. Но это тема следующей статьи.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А., Анцыферова Л. И., Брушлинский А. В. и др. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и история. М.: Ин-т психологии РАН, 1997.
2. Андреев А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М.: Наука, 2008.
3. Борисов В. А. Демография. М.: NOTA BENE, 1999.
4. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: ИНИОН, 1999.
5. Волков С. В. Ликвидация старого и подход к созданию нового образовательного строя <http://swolkov.org/ins/02.htm>
6. Волков С.В. Рост численности образованного слоя и изменение его положения в социальной структуре населения <http://swolkov.parod.ru/ins/031.htm>
7. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / В.Г. Макаров, В.С. Христофоров (сост.) М.: Русский путь, 2005.
8. Главацкий М.Г. Философский пароход: год 1922-й. Историко-графические этюды. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
9. Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997.
10. Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917–1927. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1927.
11. Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920 / В.М. Селунская (отв. ред.). М.: Мысль, 1976.
12. Красный террор глазами очевидцев: сб. / С.В. Волков (сост.). М.: Айрис-Пресс, 2009.
13. Лапко А. Ф. Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток // Успехи математических наук. 1972. Т. XXVII. Вып. 6 (168). С. 5–23.
14. Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 / под ред. Ю.Н. Амиантова, Ю.А. Ахапкина, В.Т. Логинова. М.: РОССПЭН, 2000.
15. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1922. М.: PUICO; P. S, 1990.
16. Осипов В.П. Бехтерев. М.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1947 http://www.bekhterev.net/files/VPOsipov_Bekhterev.pdf
17. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999.

18. Очистим Россию надолго. К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1. <http://www.rusarchives.ru/publication/deportation.shtml>.
19. Переченок Ф. Ф. Академия наук на великом переломе // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235. [http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/zvenja/1/163–234.pdf](http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/zvenja/1/163-234.pdf)
20. Сафразьян Н. Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921–1927). М.: Изд-во Московского ун-та, 1977.
21. Соскин В. Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973.
22. Троцкий Л. Анатолий Васильевич Луначарский // Силуэты: политические портреты. М.: Политическая литература, 1991. С. 369–370.
23. Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Правда, 1964. Т. 15. С. 313–376.
24. Ханин Г. И. Высшее образование и российское общество // ЭКО. 2008. № 8–9. С. 75–92.